

Камыш

Пусть я прах и тлен, но сплю я сном ангельским. По ночам меня не добудишься, пока я сам не открою глаз. Но в ту ночь, ближе к утру, сон мой разворошил и проткнул оклик, кто-то звал меня испуганно. Задышающийся, взволнованный шепот проник сквозь решетку:

— Отче, вы тут?

— Картер? — Даже спросонья я узнал его по голосу. — Случилось что?

— Утопленник в реке. У Западных полей. Я... я пошел туда глянуть на упавшее дерево, лежит поперек реки, надо бы убрать. А там в воде человек, его прибило к дереву, отче, будто ветошь какую.

— Мертвый?

— Мертвее не бывает.

В ту ночь я спал на табурете в исповедальной будке, уткнувшись щекой в дубовую перегородку. Беспокойный был сон, отнюдь не ангельский. Я вскочил, наспех расправил помятую рясу. Тьма кругом, то ли ночь, то ли раннее утро; руки и ноги у меня окоченели от холода. Сдвинул перегородку настолько, чтобы можно было выбраться из будки, — которая и не будка даже, а так, самоделка: подпорки, накрытые занавесью, — и в отблеске свечи предомной предстало раскрасневшееся, насупленное лицо Хэрри Картера.

— Сперва побежал к вам домой, но в кровати никого, — сбивчиво бормотал Картер. — Вот я и подумал, может, вы здесь.

Я хотел сказать ему, что обычно не сплю сидя в будке и сам не очень понимаю, что меня заставило заночевать в церкви. Но, судя по физиономии Картера, в моих объяснениях он вовсе не нуждался, ему хотелось лишь одного — поскорее вернуться к реке.

— Его ведь соборовать надо, разве нет? — спросил Картер и поджал губы угрюмо.

— Ты же сказал, он мертв.

— Но если плеснуть чуток освященного вина в его мертвое горло...

Мертвая глотка вина не распробует, подумал я, но вслух не сказал.

— Если нам удастся хотя бы это, — твердил Картер, — может, его смерть станет почти достойной. А иначе...

А иначе его ждет страшная участь, и болтаться безжизненной ветошью на рухнувшем дереве покажется ему несказанным счастьем. Хэрри Картер желал покойнику лучшей доли и был прав. Так что, выйдя из церкви, мы бросились бегом.

Первое, что я ощутил, — ветер, дул он с востока, порывистый, ледяной. Близился восход, и небо слегка посветлело. Бежали мы по дороге, что вела к Западным полям; большая часть дороги идет через луговину, разрезая ее наискось. По реке мы бы плыли более двух миль. Ветер трепал мой стихарь, и тот дыбился, словно парус, освященное вино плескалось в бутылки, я нес ее в правой руке, а в левой — склянку с елеем; шагу я не сбавлял, хотя ловил ртом воздух, а ляжки мои горели огнем. Совсем как олень, сказал бы мой отец, подмигнув, он всегда был не прочь подстрелить оленя. Что до Картера, молодого, приземистого, крепконового, его

светлые волосы развевались на ветру, штаны на коленях топорщились от засохшей вчерашней грязи — словом, обычный пышущий здоровьем юнец. Он мчался впереди, усердно работая локтями.

Луговина утопала в воде, но не столь глубокой, как раньше, — ветер, судя по всему, сдувал воду обратно в реку. Небо над нами, высокое, с бегущими облаками, поголубеет, когда взойдет солнце, пока же все вокруг, кроме ветра, было мокрым — мощенная бульжником дорога, трава, земля, наши ступни и лодыжки, стволы деревьев, гнезда, а в них неоперившиеся птенцы. Пальцы на моих ногах все равно что лягушки на болоте. Мы добежали до межи у Западных полей, дальше начиналось пастбище с густой сочной травой, и здесь было совсем уж топко — промокшие овцы с дрожащими ягнятами и коровы стадами брели по нескончаемой луже, выискивая почву посуше, где они могли бы кормиться, не захлебываясь водой; лошади Тауншенда, увязнув в грязи, стояли четырехугольником, уткнув морды друг другу в бока, с которых стекала вода. Сухим был только ветер, сухой и жутко холодный, он гнал прочь затянувшиеся дожди.

— Нам туда, — указал Картер на реку, что текла шагах в семидесяти иль восьмидесяти от нас. — Я пометил место топором.

Метка не шибко бросалась в глаза, воткнутое в берег лезвие глубоко ушло в землю, и на поверхности торчал лишь огрызок топорища длиною в ладонь. Мне бы понадобилась еще одна метка, чтобы его обнаружить. Но не Хэрри Картеру с его молодыми глазами, да и ни о чем другом он сейчас не думал, только о тополе и о том участочке на реке, куда прибило старую ветошь — бедолагу мертвеца. Ветер пихнул Картера в спину, и в мгновение ока он оказался рядом с топором,

а затем принялся ходить по берегу туда-сюда, поджидая меня.

— Пропал, — с надрывом сказал парень, его голос резал ухо. — Покойник. Он был тут.

“Тут” означало упавшее дерево и его кривую ветвь, за которую зацепилось тело. Река поднялась, вода бешено бурлила и пенилась вокруг этой ветви, ничто бы там не удержалось, ничто. Ни человеческое тело, ни даже коровье. С чего Картер взял, что будет иначе? Но мог ли он как-нибудь предотвратить пропажу? Нет, в одиночку вытащить человека из воды никому не под силу.

— Куда он подевался? — повторял Картер снова и снова. И метался по берегу, будто пастушья собака. Потом замер как вкопанный, уставился на воду и произнес потухшим голосом: — Куда делся покойник? Он был вот здесь.

Мой некогда белый стихарь изгваздался и промок до колен, а сам я испытывал нечто вроде горечи поражения, потому что теперь я был вынужден задать Картеру вопрос, чего надеялся избежать. “Увижу воочию, что там на реке, — прикидывал я, — и с меня довольно”. Слова поднялись к горлу и застряли, и сколько бы я ни сглатывал слюну, расшевелить их не получалось. Я крутил головой, смотрел куда угодно, лишь бы не на несчастного Картера, без толку метавшегося по берегу. Куда угодно — вниз, вверх. Вверх, на звезды, меркнувшие на рассвете.

Когда я наконец взглянул на Картера, он стоял ярдах в двадцати ниже по течению по колено в воде, перед зарослями камыша, гнувшегося под напором ветра, — парень словно оцепенел. Подойдя поближе, я увидел, что он держит в кулаке нечто зеленое, кусок ткани или одеяние. Картер медленно приподнял тряпицу. Рубаха.

— Нашел. — Картер дернул рукой, указывая на камыши: — Висела там.

И задавать вопрос, застрявший у меня поперек горла, нужда отпала, ведь рубаха ясно давала понять, кем был утопленник. Мы с Картером оба знали, кому она принадлежала, даже при таком слабом освещении сомнений у нас не возникло: рубаха могла принадлежать лишь одному-единственному человеку. Все прочие в деревне носили рубахи рыжеватые либо коричневые или серые — цвета неокрашенной шерсти и по-овечьи непритязательные. Ни у кого другого не водилось такой добротной полотняной рубахи, ослепительно зеленой, как льняное поле, откуда она и вела свое происхождение. Верно, рубаха изрядно поистрепалась, но все признаки тончайшего голландского изделия были налицо. Однако еще прежде, чем Картер нашел ее, с самого первого мига, когда он обнаружил утопленника, Картер не мог не сообразить, что это Ньюман. Много ли горемычных раздувшихся мертвецов плавают по нашей реке? Много ли людей пропало тремя днями ранее?

Но природе человеческой свойственно отмахиваться от того, что нас страшит, — не из вредности и не по глупости. Разве не даны нам от рождения некие возвышенные упования, что подпитывают надежды наши, даже когда мы сознаём их несбыточность? Из уважения к покойному Картер пытался свернуть рубаху в ровный квадрат — Ньюман жил упорядоченно, и неважно, сколь беспорядочной оказалась его смерть. Рубаха была чересчур мокрой и форму не держала, скользила и вываливалась из рук. Что-то бормоча себе под нос, парень опять ее сложил, усердно орудуя огрубелыми пальцами, и она опять развалилась. Тогда Картер засунул рубаху за пояс штанов и побежал по кромке речного

берега, громко выкрикивая имя Ньюмана и то и дело оступаясь в воду, порозовевшую с первым проблеском солнца.

И на что мне теперь освященное вино и елей, хоть в реку выливай! Покойника не только не исповедали перед смертью, так еще и не причастили хотя бы каплей вина, и как ему теперь быть в мире ином, лишенном всякой надежды? Парень был прав: возможно, достаточно было бы смочить вином его рот, губы. И начертать елеем крест на лбу. Одержимый своими демонами, Картер носился по берегу, ветер был злым и неутихающим, ноги наши отсырели, и от занимавшегося дня вяло отчаянием.

Вскоре Картер вернулся — запыхавшийся, удрученный, — присел на корточки.

— Пропал, — повторил он в который раз. — Пропал покойник.

— Он уже на полпути к морю, — сказал я.

Мы оба понимали, что я преувеличиваю, но смысл в моих словах имелся. За деревней, после пяти излучин и двух заводей, река выпрямляется и убыстряется, а в дождливую погоду мчит, как повозка с горы, сминающая все на своем пути. Картер кивнул и, съездившись, обхватил себя руками.

Мальчишка, право слово, и добрый в придачу. Мальчишка, которого тем утром сразили наповал. С Ньюманом он был дружен и чтил его как отца, и все три дня, минувшие с исчезновения Ньюмана, Картер тешил себя мыслью: может, его друг и погиб, а может, жив еще, кто знает. В конце концов, тела пока не нашли. А когда мертвец исчезает, следом исчезает и смерть — так, по видимому, рассуждал Картер, и я был тронут его жизнеутверждающей верой, пусть и возведенной на трухлявом фундаменте.

Река — изворотливая, взбалмошная — накрыла собой мертвеца, чтобы мы не сумели с ним попрощаться как полагается. Не в первый раз топтал я речные берега в поисках тела Ньюмана, но во второй, и оба раза не преуспел. Я по опыту знал: когда природа раз за разом мешает тебе в каком-то деле, самое время призадуматься: это лишь невезение или что-то еще? Однако делиться своими соображениями с Картером я не стал.

— Мужайся, Хэрри, — сказал я и, расчувствовавшись, погладил паренька по голове.

Ветер дул нам в спину, мой стихарь, хотя мокрый и грязный, игриво вздувался колоколом то спереди, то сзади. Камыш льнул к воде и протяжно шуршал. И сколь бы подавлен я ни был, мне понравилось, как властно обращался с камышами ветер.

Возвращались мы через поле. На обратном пути подол стихаря развеялся у меня за спиной, будто шлейф невестинного платья, тогда как подрясник молотил по голениям — простите, если я слишком часто упоминаю мои нижние конечности, но кто бы не упомянул, когда твой подол по весу тянет на два ведра воды и ведет себя как живое существо. В прошлом месяце меня лихорадило, и сейчас мне было совестно за то, что я такой слабый, одышливый и стреноженный. Я отлично понимал, как выглядит моя голова на ветру: темные спутанные кудри, дыбом торчащие вокруг тонзуры. Теперь на одержимого походил я, но, впрочем, Картеру было не до меня. Мы оба сосредоточились на противостоянии ветру, дувшему что было мочи нам в грудь.

Окаменевшее лицо Картера отвергало любые попытки завести разговор. Он даже ни разу не взглянул

в мою сторону. Светало, и двигались мы медленнее, и я смог получше разглядеть порез у его правого уха — несколько дней назад он чинил крышу над притвором, поскользнулся и напоролся на сланцевую плитку. Порез был глубоким, длиною в полпальца, и мне не понравилась ни его краснота, ни бледная зелень, которой он сочился, ни припухлость по краям, напоминавшая скорлупу конского каштана.

Полеми мы опять вышли на дорогу, там, где она раздваивалась: налево к мосту, направо к деревне. Свернули направо. Невидимая пара рук толкала меня в эту сторону, прочь от недостроенного моста, где, по нашим предположениям, утонул Ньюман, и когда я обернулся на мост, облака над ним висели скученно, грозно, тогда как впереди они взмывали ввысь и, светлея на глазах, разбегались по небу.

А солнце! Торжественной песнью восходило оно, покуда скрываемое Дубовой горой, нашим длинным лесистым кряжем, который мы еще называем Ленивым Псом (или просто Псом, когда лень нас обуяет). Кряж тянется по северо-восточной окраине Оукэма, поэтому новорожденного солнца в деревне отродясь не видели, но от рассветного зарева вспыхивают деревья на кряже, вот как сейчас, зарево это начинается тонкой жаркой полосой, которая постепенно остывает, розовеет и ширится, наводя меня на мысль о том, что по другую сторону кряжа наверняка плещется море. Вне широких пространств луговины ветер был не таким сильным, и мы зашагали вровень, по-прежнему молча. Картер все время проверял, не потерял ли он рубаху, заткнутую за пояс. Мне хотелось утешить его, но как, если не молитвами и притчами? Иными средствами я не располагал. А Картер явно не нуждался ни в том, ни в другом. С горя он осерчал на весь белый свет.

— Этот порез, — сказал я, — у твоего уха. Непохоже, чтобы он заживал.

— Заживет.

— По-моему, он стал хуже, чем был.

— Но лучше, чем вчера.

— Я так не думаю.

Оскалившись, Картер вырвался вперед, ему не хватало выдержки, зато хватало сил.

— Не нравится мне, как он выглядит, — добавил я.

— Вот и не смотрите.

Вдруг он остановился у поворота, где росли березы, некогда украшенные цветастыми, а теперь вылинявшими лоскутками, и опустил коленями на бульжник. Прямо перед ним в высокой траве лежала дохлая собака. Он посмотрел на меня, потом обернулся назад:

— Она была здесь, когда мы шли к реке?

— Я не видел, но, скорее всего, была. На бегу мы ее не заметили.

Солнце всходило, мне пора было читать первые утренние молитвы, потом исповедовать, и я не мог возиться с собакой. Но Картер уже щупал ее ребра.

— Холодная, как глина, — буркнул он.

Однако черная шкура псины отливала здоровым блеском, и казалось, она сейчас вскочит и побежит, и мы бы так и подумали, если бы не вывалившийся язык и бездыханность. Обычно, когда видишь мертвую собаку — да что угодно мертвое, — нетрудно сообразить, голодала она, или терпела побои, или зашибла ее лошадь на полном скаку, либо она просто рухнула замертво от старости и тоски. Эта же была худой, но сытой, ее не били, не калечили, и лет ей было немного, и все эти годы прожила она в довольстве и радости. В траву под березами ее словно сбросили с небес.

— Как мы могли ее не заметить? — спросил Картер, не отнимая ладони от собачьих ребер.

— Темно было.

— И мы бежали.

— И были сами не свои.

Мы стояли не шевелясь, я крепко сжимал в руках склянки с елеем и вином; поиски Ньюмана нас обоих столь взбудоражили, что теперь мы, подобно шерифам, устали на собачий труп, будто наткнулись на что-то необычное или зловещее.

— Может... — начал Картер, — я ведь мог... — Он принялся выдергивать из-за пояса зеленую рубаху. — Когда я один ходил на реку, может, мне только примерещилось.

— Нет, — сказал я. — Не примерещилось.

— Может, я увидел какую-то тень и решил, что это тело, прибившееся к дереву... Люди наверняка скажут, что это была просто тень.

— А рубаха? Она тоже тень?

— Но ведь вы сами сказали... было темно. И если мы не увидели мертвую собаку, которая была здесь, может, я увидел утопленника, которого не было там?

Я не хотел мучить Картера, но пора было напомнить ему о том, как обстояло дело.

— В субботу на рассвете видели, как человек свалился в реку, Хэрри. — Я старался говорить как можно мягче и доходчивее. — Мимо проходил Роберт Танли, он мало что успел разглядеть, но, с его слов, это вполне мог быть Ньюман. С тех пор Ньюман в деревне не показывался, а других пропавших у нас нет. Вряд ли утопленник был из чужаков. Видит Бог, чужие к нам редко навешиваются.

Вообще не навешиваются, поскольку мы отрезаны рекой от всех остальных. Сейчас было не время опла-

кивать разрушенный мост, хотя душа моя за него болела.

Я положил ладонь на плечо Картера:

— А потом тело понесло вниз по течению...

— Не больно-то далеко его унесло, — перебил Картер, пнул собаку в брюхо и сбросил мою ладонь. — Сами знаете, как быстра вода... за три дня тело унесло бы куда дальше.

— А тебе известно, какой путь ему пришлось проделать? Сперва обогнуть заводь у Старой мельницы, потом другую у Горелого леса — тело могло застрять тысячу раз, повиснуть на сломанных ветвях, врезаться в берег и увязнуть там...

Картер отвернулся.

— Мне не поверят, когда я скажу, что видел тело Тома Ньюмана. Люди меня на смех подымут.

— Ты нашел его рубаху, — возразил я. — Покажешь ее, и посмотрим, до смеху ли им будет.

Мы оба умокли, холод пробирал до костей. Картер сторбился, поник головой, и я едва не потянулся, чтобы расправить ему плечи, обнять и утешить. “Забудь о других людях, — хотел я сказать ему. — Ты видел то, что видел, — все прочее неважно”. Я сложил руки на груди, сунув кулаки со склянками под мышки; ветер выл и трепал березовую рощу. Печаль нахлынула на меня, невыразимая, и я уже не понимал, откуда у деревьев берется желание расти, когда ветер, дождь и снег измываются над ними каждую зиму напролет.

Не сговариваясь, мы с Картером двинулись дальше — возможно, нас подстегнул запах разогретого жира, принесенный буйным ветром. А возможно, этот аромат нам только почудился, ведь пахнуло лишь на миг, но я живо представил себе яичницу и хлеб, окунаемый в горячий жир от вчерашнего бекона, и тут же

почувствовал, что голоден как волк. Картер, видимо, тоже оголодал, он прибавил скорости, и я уже не поспевал за ним в своих тяжелых промокших одеяниях. На подступах к деревне я отставал от него шагов на тридцать.

Завернув в церковь, Картер тут же вылетел обратно. Наверное, ему не терпелось отдать рубаху жене, чтобы та ее постирала, и затем он будет лелеять этот почти хлам как драгоценность, как грустную памятку, единственное, что уцелело от громадной любви, которой он внезапно лишился, будто ворона склевала.

— Картер! — крикнул я ему вслед, собираясь предложить помазать рубаху елеем по крайней мере, хотя мысль освятить старую льняную тряпку была довольно вздорной. — Хэрри! Хэрри Картер!

Он не обернулся. Мчался, размахивая рубахой над головой, пусть даже полюбоваться на него было некому.

“Что ж, давай, принимайся страдать”, — подумал я — без желчи. Мужчины и женщины цепляются за свое право страдать, и порою лучше предоставить их самим себе хотя бы на время. Все, что мне оставалось, — снова помянуть Ньюмана во время службы и отправить людей убрать дерево, перегородившее реку. Но не сегодня, конечно, сегодняшней день пролетит так, что мы и опомниться не успеем, и мне бы не помешало соснуть с полчаса. И постараться, чтобы не приснился труп, увлекаемый течением, и чтобы сердце не заныло, припомнив, сколь люта смерть. Вспоминать только о розовых бликах на камышах, где была обнаружена рубаха, и ведь как хорошо, что рубаху нашли именно там — там, в тихой благости камыша, лучшего знаменья и быть не могло, и если человеку привелось погибнуть столь ужасной и загадочной смертью, а потом исчезнуть с лица земли, будто его кит проглотил, кое-

что от него все же осталось — его покров, выловленный, схваченный, спасенный, сохраненный камышовой ратью, — Ньюман словно упал на руки верных ему людей.

Светился ли камыш розовым сиянием? Может, и нет, но в душе я знал, что так оно и было и пребудет вовек. На пути в деревню в голове раздался голос моей мудрой, нежной сестры: “Болтуны и писаки умолкнут как громом пораженные”. Почему мне послышались эти слова, я затрудняюсь ответить, разве что я был усталым, печальным, обрадованным, рассерженным и спокойным одновременно; поэтому, отворив дверь церкви, я позволил себе оплакать Томаса Ньюмана и удивился, как долго не высыхали слезы.

